

И. С. НАРСКИЙ

Современный позитивизм

<Фрагменты>

На протяжении всей эволюции философских взглядов Бертрانا Рассела происходил своеобразный процесс «смыкания» объективного и субъективного в плоскости ощущений субъекта, а затем нового их «размыкания» ради обретения твердой почвы объективности, чего Расселу добиться так и не удалось. Поясним сказанное.

В «Проблемах философии» (1912) Рассел проводил различие между якобы объективными чувственными данными (sense-data) и ощущениями (sensations) чувственных данных, которые присущи субъекту. В его статье «Отношение чувственных данных к физике» (1914), где появляется термин *sensibilia*, т. е. «нечувствуемые данные», это различие запутано, а в книге «Анализ духа» (1921), от которой обычно датируют существование уже вполне сложившейся концепции так называемого нейтрального монизма, оно исчезает вообще: чувственные данные — это те же ощущения, но воспроизведенные в памяти. «Объекты, которые мы сознаем, суть данные»*. Здесь же появляется новый термин для обозначения «объектов», а именно «особенности» (particulars). Достаточно привести один из даваемых самим Расселом примеров «особенностей», чтобы увидеть, насколько иллюзорна их объективность: «Зрительное ощущение, занимавшее центр моего поля зрения в полдень 1 января 1919 г.»**.

В 1930-х гг. Рассел прибегнул к новым терминологическим ухищрениям, дабы возродить различие объекта и субъекта в теории познания. Его нейтральный монизм, который был своего рода возрождением махизма, дал заметную трещину.

Не отказываясь от ранее высказанного им утверждения, что материя и дух суть лишь два «частных вида» бытия и покрываются

* *Russell B.* The Analysis of Mind. London, 1921. P. 298.

** Ibid. P. 193.

понятием «субъект логического предложения», Рассел стал в то же время проводить различие между «опытом» (в терминологии Кожибского — это совокупность «объектов») и «фактами» (в значении, отличном от «фактов» у Витгенштейна и близком к понятию «события» у Кожибского). «Факты» существуют независимо от субъекта. Иными словами, кроме «фактов», воспринятых в опыте, бывают и «факты» не воспринятые. «Факты шире (по крайней мере, в возможности), чем опыт»*.

Поскольку Рассел не отверг ранее развитой им концепции нейтрального монизма, различие между «фактами» и «опытом» может быть понято как различие между «слоями» «нейтрального» бытия. Приходя к этому выводу, Бертран Рассел вновь и вновь упорно заявлял: «Я не материалист, хотя и от идеализма я точно так же далек»**.

Однако конечный результат этих рассуждений оказывается идеалистическим, причем рассуждения вновь замыкаются в круг: «факты» оказываются логическими конструкциями, воздвигнутыми над опытом, т. е. над... познанием фактов. Отождествление фактов с логическими конструкциями следует не из того, что в число фактов Рассел включает и логические отношения, но из того, что, согласно мнению Рассела, факты в случае их познания не отражаются в понятиях, но включаются в понятийную «ткань». Последнее можно представить себе только при условии их однородности с логической «материей» понятийного знания. Отвечая на вопрос о том, субстанциональны ли факты, Рассел ограничивался ссылкой на то, что в данном случае мы имеем дело с чисто логической проблемой, решение которой зависит от того, что мы условимся в нашем языке считать субстанцией — сами факты или познание их в опыте. Иными словами, Рассел ставит решение вопроса о субстанциональности фактов в зависимость от того, считаем ли мы категорию субстанции относящейся к фактам.

Заметим, что Рассел не был последователен в своей аргументации в пользу нейтрального монизма. В «Анализе материи» (1927) он заявлял, что нейтральный монизм основывается на последовательном проведении принципа экономии мышления. Между тем как в «Проблемах философии» (1912) он ссылался на «принцип простоты», т. е. на ту же экономию мышления, в интересах обоснования тезиса об отличии чувственных данных от их ощущений субъектом <...>

В «Исследовании значения и истины» (1940) Б. Рассел вразрез с идеями «классического» неопозитивизма заявлял: «Утверждение, что не поддающееся проверке предположение существования, как, на-

* *Russell B. An Inquiry into Meaning and Truth. London, 1940. P. 293.*

** *Russell B. Why I am not a communist? // The Meaning of Marx. New York, 1934. P. 83.*

пример, те предложения, которые имеются в физике, лишено смысла, должно быть отвергнуто»^{*}. Но в той же самой книге при анализе вопроса о собственных именах, за которым кроется онтологическая проблема существования индивидуальных объектов, Рассел приходит к прямо противоположному результату, отождествляющему бытие вещей с восприятием чувственных данных.

Рассел поставил следующий вопрос: если в Париже и в Нью-Йорке субъект чувственно воспринимает две абсолютно одинаковые башни (если допустить, например, что в Нью-Йорке выстроена точная копия Эйфелевой башни), то спрашивается: можно ли рассматривать этот факт как существование двух различных башен или же существует одна башня? От решения этого, казалось бы, несложного вопроса зависят далеко идущие философские следствия. Первое решение связано с признанием существования материальных объектов независимо от субъекта, а второе — с интерпретацией объектов как комплексов ощущений, поскольку от тезиса о совпадении восприятий делают переход к заключению об абсолютном тождестве воспринимаемых объектов.

Рассел — сторонник второго решения, на которое определенное влияние оказал, несомненно, «принцип неразличаемого тождества» Лейбница, пригодный для математических объектов, но неприменимый к данному случаю: X и Y , по Лейбницу, тождественны только тогда, когда Y имеет все свойства, которыми обладает X , а X имеет все свойства, которыми обладает Y . По поводу такого понимания тождества Л. Витгенштейн, между прочим, заметил, что говорить о тождестве двух предметов бессмысленно, а о тождестве одного предмета с самим собой — значит не сказать ничего.

Рассел в данном вопросе исходил все же прежде всего из своего (во всяком случае, в период написания им «Исследования значения и истины») истолкования чувственных данных в духе махизма (нейтрального монизма): «То, что обычно называли бы “вещью”, есть не что иное, как пучок сосуществующих качеств, таких как краснота, твердость и т. д.»^{**}. Рассел предложил даже заменить формулировку «это одна башня в двух различных местах» следующим образом: «Это одна “башенность” с двумя разными пространственными параметрами». После этого оговорка Рассела о том, что «не может быть аргументов против физического мира, поскольку опыт будет тем же самым, независимо от того, существует ли мир или не существует»^{***}, воспринимается читателем в прямо противоположном смысле, а именно: Рассел считает, что нет аргументов, которые вос-

* Russell B. An Inquiry into Meaning and Truth. London, 1940. P. 305.

** Ibid. P. 97.

*** Ibid. P. 234.

препятствовали бы отрицанию существования внешнего, независимого от наших ощущений мира.

Очевидно, что принятое Расселом решение вопроса заставляет отказаться от понятия объективного пространства, что он и делает, ставя перед философией задачу сконструировать пространственно-временные свойства из «пучка» чувственных качеств. Это приводит Рассела к чисто феноменалистскому описанию мира, что влечет за собой все связанные с этим противоречия и трудности субъективного идеализма.

Перед Расселом возникает, например, старая проблема, беспокоившая в свое время Беркли: являются ли восприятиями одного и того же предмета, например, мухи, восприятия, полученные в одном случае невооруженным глазом, а в другом — через микроскоп? Вслед за Беркли современному позитивисту придется принять нелепый вывод, что это восприятия двух разных предметов.

Аналогичная — и при данных гносеологических установках неразрешимая — трудность возникает и в собственно логической области. Придется, например, признать, что слова «победитель при Иене» и «побежденный при Ватерлоо» (пример восходит еще к Гуссерлю) обозначают совершенно различные понятия, а отнюдь не суть синонимы, обозначающие один и тот же субъект, т. е. императора Наполеона <...>

Феноменалистская трактовка восприятий башни зато превосходно согласуется с субъективным идеализмом. У Рассела мы найдем по этому поводу признание, достаточно красноречивое и ясное: «Относительно вопроса о материале, из которого сконструирован физический мир, взгляд, защищаемый в этом томе, имеет, вероятно, более родства с идеализмом, чем с материализмом»*. Интересно, что Альберт Эйнштейн, проявлявший неоднократно интерес к философии Рассела, выступил с материалистической по существу критикой его решения проблемы «двух башен».

А. Эйнштейн упрекает Рассела в том, что «боязнь метафизики» завела его слишком далеко: «Эта боязнь, как мне, например, кажется, дала повод к тому, чтобы рассматривать “вещь” как “пучок качеств”, стремясь отвлечь “качества” от чувственного сырого материала. И то, что в этом случае (*nun*) две вещи должны быть только одной и той же вещью, если все их качества совпадают, принуждает к тому, чтобы причислить к качествам вещей и их взаимные геометрические отношения <...> В противоположность этому, я не вижу никакой “метафизической” опасности в том, что вещь (объект в физическом смысле) принимается в систему в связи с принадлежащей

* *Russell B. The Analysis of Matter. London, 1927. P. 387.*

ей пространственно-временной структурой как самостоятельное понятие»*. Противоречия во взглядах Рассела А. Эйнштейн поставил в связь, как он выразился, с «плохой интеллектуальной совестью» британского философа.

Но дело не в «интеллектуальной совести», а в нежелании стать на материалистические позиции, в методологической беспомощности при решении вопроса об отношении объективного содержания и субъективной формы в восприятиях. Отсюда проистекает то, что Рассел не смог провести различия между объективным фактом (существование двух башен в разных местах) и фактом его отражения в человеческих восприятиях. Башня как объект оказалась подменной фактом восприятия башни. В 1960 г. Рассел в предисловии к книге Э. Геллнера «Слова и вещи» признал недостаточность чисто языкового решения проблем философии, но ни словом не обмолвился о своей собственной прежней философской деятельности, о том, что он на протяжении многих лет пропагандировал именно такое их решение <...>

Вопрос значения понятия «существование» очень заинтересовал неопозитивистов. Побудительную роль сыграли здесь «антиметафизические», т. е. враждебные к онтологии, устремления британских философов «логического анализа». Однако с данным вопросом была связана и собственно логическая проблематика.

В обычной речи часто употребляются выражения типа «эта вещь существует». Что это значит? Логик не может пройти мимо подобных определений, ибо они требуют уточнения.

Рассел обратил внимание на то, что в некоторых случаях употребления термина «существует» как предиката возникает своеобразная антиномия, которую он назвал парадоксом существования. Поясним сущность этого парадокса на примере.

Допустим, мы имеем предложение «Пегас не существует». Оно означает, что «Пегас есть несуществующий предмет». Данное предложение, которое обозначим через (I), истинно, но спрашивается, какой существующий факт проверяет и подтверждает его истинность? Если Пегас действительно не существует, то о каком предмете высказано данное предложение? Пегас должен как-то существовать, в противном случае о нем было бы невозможно даже сказать, что его нет. Но что же это за «сущность», о которой мы можем высказать парадоксальное утверждение: «это существует как несуществующий предмет»? Таким образом, в употреблении предиката «существует» возникает трудность: всякий предмет существует, а если он не существует, то он уже не есть предмет. Складывается ситуация,

* *Einstein A. Mein Weltbild. Berlin, 1955. S. 39–40.*

подобная той, в которой оказываются спорщики в «Тускуланских беседах» Цицерона: если считать умершего несчастным, значит, он существует, однако умерший не существует, ибо он умер.

Возникшую проблему Рассел попытался разрешить, исходя из посылки, что источником данного парадокса является несовершенство употребляемого нами языка; он пришел к выводу, что необходимо уточнить значение термина «существование», а затем перестроить предложения, подобные предложению (I), в соответствии с уточненным значением термина <...>

Собственно логической стороной проблемы существования и несуществования занялся, опираясь на исследования математиков Фреге и Пеано, Бертран Рассел. Выдвинув ее первоначально на страницах журнала «Mind» в статье «Об обозначении» (1905), Рассел подверг ее анализу в труде «Principia mathematica», неоднократно затем к ней возвращался и подвел итоги своего исследования в статье «Логика и онтология» (1957), помещенной в английском «Журнале философии». Вслед за Расселом этой проблемой занялись и другие теоретики логического анализа. Упомянем в этой связи, например, статью Казимежа Айдукевича «О понятии существования» (1949) и книгу Уилларда Куайна «С логической точки зрения» (1953), где автор в решении данного вопроса следует в общем Расселу.

По мнению Рассела, парадокс существования исчезает, если в предложениях науки употребление слова «существовать» логически будет уточнено следующим образом. Предмет, о котором высказано предложение существования (экзистенциальное предложение), следует обозначить не через свое название, а через описательное (дескриптивное) определение присущей ему совокупности свойств. «Под дескрипцией, — писал Рассел, — мы подразумеваем оборот формы “такой-то и такой-то (the so-and-so)” или какой-либо (иной) эквивалентной формы»*.

Учение о так называемых дескриптивных определениях, выдвинутое Б. Расселом в «Principia Mathematica», имело несколько аспектов. Один из этих аспектов связан, например, с проблемой так называемой антиномии отношения именованного. Но в данном случае речь идет не о широкой теории дескрипций, согласно которой большинство собственных названий суть скрытые описания, и не об узкой теории единичных дескрипций, но о приложении приема фиксации предмета через описание его свойств (description) к проблеме предикирования существования. В соответствии с этим, описательное определение предмета используется для того, чтобы существование или несуществование предмета зафиксировать уже

* Whitehead A. N., Russell B. Principia Mathematica. Vol. I. Cambridge, 1911. P. 30.

не при помощи обычного предиката, но через посредство оператора. В приведенном выше примере данная трансформация приведет к образованию следующего предложения, записанного через посредство символики функции-предложения: $(\exists x) [A(x) \cdot B(x)]$, где A — свойство «конеобразный», B — свойство «крылатый», а все предложение можно прочесть так: «ложно, что у какого-нибудь предмета совместимы свойства конеобразности и крылатости». Здесь термин «предмет» означает «то, о чем мыслим», предметом отрицания является сама совместимость свойств A и B .

Говоря языком символической логики, в процессе описанной процедуры несуществование Пегаса уже не предикцируется, но преобразуется в форму оператора, а именно квантификатора существования с отрицанием. Предмет «Пегас» (крылатый конь) как таковой уже не выступает в качестве субъекта предложения, о котором утверждалось, что он не существует. Оба свойства A и B , при помощи которых ранее был образован субъект предложения и которые используются при описательном определении субъекта, превращаются в новый предикат, а переменная, связанная квантификатором существования, — в новый субъект. Итак, «существование» интерпретируется теперь уже не как предикат, но как оператор. Иными словами, пояснил Куайан, в логически уточненном научном языке «быть — значит быть значимостью некоторой переменной»*, то есть относить истинность или ложность к предикату. В предложениях, сформулированных согласно этому указанию, утверждается, что предикат, состоящий из признаков, посредством которых можно описать предмет, принадлежит либо не пустому, либо пустому классу вещей. Предложенный Расселом способ употребления термина «существует» состоит в том, что вместо того, чтобы утверждать, что «этот предмет не существует», нам предлагают утверждать, что описательное название этого предмета (заменяемое затем совокупностью частных предикатов, используемых при описании) есть название «пустого класса». Следовательно, высказать на языке математической логики, существует или не существует данный предмет, значит констатировать, что предикат, составленный из признаков этого предмета, «заполнен» или «пуст» или что данное сочетание признаков (свойств) обладает свойством «заполненности» или «пустоты».

Заметим, кроме того, что термин «существование» может быть устранен, так же как и само слово «существование», как из названия квантора существования, так и из его прочтения: «существует x , для которого...»

* Quine W. V. O. Designation and Existence // The Journal of Philosophy. 1939. Vol. XXXVI. No. 26. P. 708.

На самом деле предложение, связанное квантором существования, т. е. малым квантификатором, равносильно предложению, состоящему из дизъюнктивного ряда: $(a) (Aa \cdot Ba) \vee (b) (Ab \cdot Bb) \vee \dots$, где a, b, \dots суть индивидуальные значения, которые принимает переменная x . Это предложение можно прочесть так: либо для « a » совместимы свойства A и B , либо для « b » — свойства A и B ... и т. д.

Что касается теории единичных дескрипций, то сделаем замечания о мотивах ее возникновения.

Одним из таких мотивов было стремление устранить из науки предложения с неуточненным содержанием, к тому же не поддающиеся, с точки зрения логических аналитиков, точной эмпирической проверке. Например, мы имеем предложение «Вальтер Скотт есть автор “Веверлея”». Здесь фигурирует эмпирически не обнаруживаемый объект — «автор “Веверлея”». Неясно также, в каком смысле употреблено предложение «есть автор»: утверждается ли, что Скотт был единственным автором этого произведения и никто другой не написал «Веверлея», или же утверждается только то, что Скотт был одним из авторов данного сочинения.

Лучшим выходом из подобных ситуаций Рассел счел переход к квантифицированным предложениям через использование механизма операторов и дескрипций. При этом есть возможность произвести выбор из серии операторов («для некоторых...», «по крайней мере для одного x ...», «самое большее для одного x ...», «только для одного x ...» и т. д.)*. Можно, например, ограничиться оператором «для некоторых x ...». В предложении $(\exists x) [A(x) \cdot B(x)]$, где A — свойство «обладать именем Вальтера Скотта», а B — свойство «быть автором “Веверлея”», утверждается только то, что есть точка пересечения двух линий, на одной из которых помещены предметы, обладающие свойством A , а на другой — предметы со свойством B . Вопрос о количестве первых и вторых, а также о числе точек пересечения для содержания данного предложения не существен, поскольку мы выявляем только бесспорное содержание предложения «Вальтер Скотт есть автор “Веверлея”».

Если мы все же пожелаем выявить не только бесспорную (т. е. независимую от вариантов в толковании) часть содержания предложения обычного языка о Скотте как авторе «Веверлея», а его содержание в полном объеме, то изберем оператор дескрипции «только для одного x ...» $[(\exists x) (\dots; \dots)]$. Исходя из него, мы сможем затем выразить следующее точное содержание нашего исходного предложения: «“ x написал “Веверлея” всегда эквивалентно “ x есть Скотт”», что значит:

* Нами даны такие прочтения операторов, в которых слово «существует» отсутствует. Последний из операторов читается и так: «тот (предмет), который...».

“*x* написал ‘Веверлея’” истинно, если *x* есть Скотт, и ложно, если *x* не есть Скотт^{*}. Здесь описание — «автор “Веверлея”» — уже не фигурирует.

С логической точки зрения, переход от рассмотрения предметов к рассмотрению их через их свойства оказывается приемлемым и целесообразным, позволяя вносить уточнения в смысл предложений при помощи чисто формального аппарата. Вполне приемлемы, с логической точки зрения, мотивы теории дескрипций и для исключения парадокса существования <...>

Мотивы учения Рассела о дескрипциях подверглись, однако, ошибочной философской абсолютизации самим Расселом, а также Шликом, Айером и Карнапом. Рассел придал исключительно большое философское значение выводам, которые он и его единомышленники сделали из теории дескрипций. Он считал их «верховным (supreme) принципом философии» и даже «бритвой Оккама XX в.», т. е. тем же, чем теоретики Венского кружка назвали принцип верификации.

Главной причиной повышенного интереса неопозитивистов к учению о дескриптивных определениях была возможность использовать его в целях отрицания предсказуемости «существования вообще». Поскольку предикации подлежат свойства (как то, что отличается одну вещь от другой), отрицание предсказуемости существования означает утверждение, что «существование» не есть свойство. Именно эту идею Рассел проводил в уже упомянутом своем учении о неполных символах. В предисловии к «Логико-философскому трактату» Витгенштейна он писал о том, что предикат «есть объект», аналогичный предикату «существует» (например, в предложении «*A* есть объект» [но не: «сам *A*...»]) не означает ничего, а потому есть неполный символ и приобретает смысл только в связи с какими-либо «определенными» качествами объекта, ибо в этом случае совместно с *A* может быть заменен переменной (в итоге возникает, например, функция-предложение вида: «*x* красный»)**. Рассел определил как неполный символ и понятие «существование». В лучшем случае, говорят нам, «существование» или «бытие в качестве объекта» в предикате оказывается излишним повторением само собой разумеющегося утверждения о данности данного предмета (соответственно: субъекта предложения) сознанию логика <...>

* Whitehead A. N., Russell B. Principia Mathematica. Vol. I. Cambridge, 1911. P. 68.

** Учение о неполных символах Рассел использовал и для обоснования своего «нейтрального монизма»: как в познании, так и в самой действительности имеют значение якобы не «субстанции» (предметы), но «свойства» (процессы).

По мнению Рассела, «существование» и «бытие» в том виде, в каком они появляются в традиционной метафизике, суть гипостазированные формы некоторых значений [слова] «есть»*. «Существование» и «бытие» означают, по Расселу, данность предмета в мышлении. «Бытие (being) — это то, что относится к каждому понимаемому термину, к каждому возможному объекту мышления — короче, ко всему, что может появиться в каком-либо суждении, истинном или ложном, и ко всем [самим] таким суждениям»**. Иных значений «существования» Рассел в теории познания именно как теории не принимает <...>

Учение Рассела об атомарных фактах во многом схоже с учением Витгенштейна, хотя Рассел, в отличие от Витгенштейна, обсуждал существование отрицательных фактов (Витгенштейн считал, что отрицание есть всего лишь операция над положительным фактом). В работах Рассела начала XX в., да и впоследствии, фигурирует, как мы уже отмечали, понятие «события» или «явления», «того, что имеется (event)». «“Событие” может быть определено как законченная совокупность сосуществующих качеств, то есть как совокупность, имеющая два свойства: (1) все качества совокупности сосуществуют и (2) ничто вне совокупности не сосуществует с *каждым* членом совокупности»***. Рассел охотно называл свою философию «логическим атомизмом», связывая это понятие с отрицанием единства воспринимаемых предметов, то есть «событий». «Мы воспринимаем события, а не субстанции»****, — писал он. Таким образом, «материал познания» оказывается, по Расселу, состоящим из обособленных множеств чувственных качеств. И хотя концепция множественности событий у Рассела опирается на плюралистические воззрения Лейбница и Мура, под ней охотно подписались бы Беркли и Мах. Последним потребовалась бы лишь замена термина «материал познания» термином «мир» <...>

В книге «Человеческое познание» Рассел категорически отвергает откровенный онтологический солипсизм, называя его догматическим. Впрочем, и ранее он высмеивал принцип «ничего нет, кроме данных моего опыта». Так, в «Анализе духа» он замечал, что онтологический солипсизм без труда может объявить себя Ньютоном или Шекспиром, прочитав их произведения и усвоив их идеи и образы»*****.

Рассел подвергает критике и «скептический» солипсизм, принцип которого он формулирует примерно так: неизвестно, можно ли

* *Russell B. An Inquiry into Meaning and Truth. London, 1940. P. 65.*

** *Russell B. The Principles of Mathematics. London, 1903. P. 427.*

*** *Рассел Б. Человеческое познание. М., 1957. С. 117.*

**** *Russell B. The Analysis of Matter. London, 1927. P. 284.*

***** *Russell B. The Analysis of Mind. London, 1921. P. 201.*

вывести из уже имеющихся (подразумевается: у данного субъекта) предложений $p_1, p_2 \dots p_n$, полученных невыводным путем, другие предложения, утврждающие фактические данные. Иными словами, «скептический» солипсизм ставит под сомнение переход от чувственных данных субъекта N к утверждению о наличии фактов за пределами опыта субъекта N . Нарочитая искусственность приведенной формулировки объясняется стремлением Рассела избежать прямых указаний на субъект «Я» или N . Рассел не приемлет «скептического» солипсизма, ибо «в него психологически невозможно верить»*. Но в то же время он признает, что «солипсистская альтернатива не может быть опровергнута посредством дедуктивного доказательства, если только мы исходим <...> из того, что то, что мы знаем без выводов, состоит исключительно из пережитого нами в опыте (или, точнее, из переживаемого в настоящем) и из принципов дедуктивной логики. Но мы не можем знать, истинна ли гипотеза эмпиризма, поскольку знание этого было бы таким знанием, которое сама гипотеза запрещает»** <...>

Принцип верификации в применении к единичным предложениям о фактах будущего времени лишен логического смысла. Это обнаруживается, например, из того обстоятельства, что не верифицируемо, следовательно фиктивно, предложение «предложение о фактах будущего будет верифицировано в будущем». Мало того. Принцип верификации как верифицируемости вообще также лишен смысла, так как верифицируемость означает возможную верификацию, относящуюся именно к будущему времени!

Кроме того, сами неопозитивисты обнаружили, что предложения, содержащие предвидения фактов будущего, во многих случаях нельзя включать в научную теорию даже и при условии признания закона причинности, связывающего в единую цепь настоящие и будущие состояния исследуемого предмета. Это относится к предвидениям совершенно новых явлений. Например, пусть в некоторой физической теории делается следующий вывод: «при определенно-го рода экспериментах мы увидим на чувствительном экране своеобразное явление, которое до сих пор еще не наблюдалось». Это предложение, которое обозначим как (1), в настоящее время не верифицируемо, и нам неизвестно, что именно будет из себя представлять это явление. В будущем, когда оно станет фактом, фиксация его в протоколе, который обозначим как предложение (2), даст утверждение, несомненно, отличающееся от (1). И нет никакой гарантии того, что явление, которое мы сможем наблюдать в будущем, окажется именно таким, о котором как о «своеобразном явлении» гово-

* Рассел Б. Человеческое познание. М., 1957. С. 213.

** Там же. С. 212.

рилось в предложении (1). Сравнение (2) и (1) предложений не даст, следовательно, искомой верификации. Таким образом, предложение (1) не верифицируемо ни для настоящего, ни для будущего времени, т. е. раз навсегда лишено научного смысла.

Б. Рассел предлагал следующий выход из возникшего затруднения: интерпретировать предложение (1) согласно следующей схеме: «имеется X, который может стать явлением, обнаруживающимся при таких-то действиях» (3); это предложение, по Расселу, можно считать поддающимся верификации, но в несколько более широком, чем обычно, «значении» последней. Рассел предложил в данном случае формулировать будущее протокольное предложение не как точную и конкретную фиксацию верифицирующего факта, а лишь как описание типа факта. Например: «на экране замечается своеобразно расположенная серия вспышек» (4). Это предложение, по замыслу Рассела, поддается сравнению с предложением (3). Можно, однако, обнаружить, что это далеко не так. В самом деле, где основание для уверенности, что факт, описанный в предложении (4), относится к классу именно того типа явлений, который предсказан в предложении (3)? Ведь нельзя же интерпретировать предложение (3) как оповещение о том, что в случае таких-то экспериментов произойдет «нечто», а что именно — неизвестно! Таким образом, введение квантора существования не обеспечивает верификации предложений о фактах будущего.

Эта трудность применения метода верификации действительно непреодолима в рамках логического позитивизма, ибо она противоречит, в частности, требованию, выдвигаемому неопозитивистами: абсолютно точно знать, какое именно протокольное предложение будущего сможет верифицировать испытываемое утверждение науки. Понятие «предвидения» отождествляется здесь с полным знанием того, как будут обстоять дела <...>

Б. Рассел порой сам не прочь поиронизировать над злоключениями неопозитивистов, истолковывающих факты прошлого как условные логико-языковые конструкции. «Если ледниковый период, — писал он, — это только лингвистическая конвенция, то ваши родители <...> тоже являются таковой»*. Добавим, что такой «конвенцией» оказывается и вся концепция неопозитивизма в целом, поскольку, будучи зафиксирована в предложениях, она также превращается в совокупность утверждений о фактах прошлого времени. Но избегает ли субъективно-идеалистической позиции сам Рассел?

Приведем его высказывание из книги «Исследования значения и истины»: «Истина и знание различны, и предложение может быть

* *Russell B.* An Inquiry into Meaning and Truth. London, 1940. P. 281.

истинным, хотя не существует метода открытия этого. В этом случае мы можем принять метод исключенного третьего (т. е. отказаться от отнесения некоторых предложений к числу неосмысленны. — *И. Н.*). Мы будем определять “истину” через отношение к “событиям” (я говорю о нелогической истине), а “познание” — через отношение к “восприятиям”. И “истина” будет более широким понятием, чем “познание”^{*}. Последнее положение может быть истолковано и в материалистическом и в объективно-идеалистическом смысле, однако мы сталкиваемся со следующим многозначительным вопросом Рассела: «Почему, например, когда какое-то количество людей видит солнце, мы должны верить, что вне их восприятия имеется солнце, и не должны думать, что просто имеются законы, определяющие обстоятельства, при которых мы испытываем переживание, называемое “видением солнца”»^{**}. Нужно немного воображения, чтобы применить это рассуждение и к предположению о существовании Земли до человека. Что это, как не полупризнание субъективного идеализма?

С другой стороны, нельзя пройти мимо характерного для Рассела вывода, что теория верификации требует ревизии. Мы уже отмечали, что верификацию предложения о происходящем событии он предложил закрепить «верой» субъекта в успех верификации. Убедившись в бессилии метода верификации по отношению к предложениям о прошлых событиях (историческим предложениям) и о событиях будущего времени (предвидения), он признал, что «нет основания полагать будто все истинные предложения поддаются верификации»^{***} и что «мы должны отбросить отождествление значения (смысла) с верификацией»^{****}. Казалось бы, все это могло привести к тому, что английский философ сделает решающий шаг к материалистическому учению об объективной истине. Но он предпочел выдвинуть крайне искусственную концепцию так называемой «логической теории верификации».

В этой концепции Рассел проводит различие между эпистемологическим и логическим пониманием верификации. Теория познания позитивистов, как он отмечает, основана на способе верификации (I), состоящей в сравнении предложений с опытом (эту верификацию он называет «верификация I»), Не отрицает ее в своей «логической теории» и Рассел, но считает, что ей должен предшествовать тот способ верификации, который придает предложениям значимость (осмысленность). В чем же состоит этот способ верифи-

* Ibid. P. 287–288.

** *Russell B.* Человеческое познание. М., 1957. С. 241.

*** *Russell B.* An Inquiry into Meaning and Truth. London, 1940. P. 305.

**** *Russell B.* Человеческое познание. М., 1957. С. 481.

кации, которую он называл «верификация II»? В сравнении предложений не с опытом, но с... «фактами».

Особенность терминологии Рассела заключается в том, что он отличает термин «опыт» от термина «факт», подразумевая под опытом совокупность определенных привычек, связанных с формированием в сознании человека данного предложения. Рассел истолковывает различие между «фактом» и «опытом» как различие между «событием» и «познанием» (события). «Факт», в его понимании, — это опыт; независимый от субъекта. «Факт» превращает предложение в осмысленное еще до верификации этого предложения опытом. Поэтому предложения, касающиеся прошлого и будущего, могут стать осмысленными (истинными или ложными) независимо от того, применима ли к ним верификация первого вида, т. е. независимо от сравнения предложения с опытом. То, что рекомендует Рассел, есть вариант неореалистической концепции независимости от субъекта ему же имманентных предметов познания. Рассел признал фактические данные независимыми от субъекта и от операции верификации (I). Однако остается совершенно неясным принцип разграничения им «опыта» и «фактов», а также и то, как происходит верификация посредством «фактов» <...>

Если учение Карнапа о вероятности носит узко логический характер, то рассуждения Б. Рассела по этому поводу основаны на психологической концепции вероятности. Частично используя мотивы учения о вероятности буржуазного экономиста Дж. М. Кейнса, Рассел рассматривает вероятность как степень веры в наступление события *a*, поддающуюся численному, но далеко не точному выражению. Вероятность в трактовке Рассела — это одноместный психологический предикат, обозначающий «степень правдоподобия» того, что событие *a* произойдет.

Точка зрения Рассела на вероятность не нова и возрождает в общем воззрения Д. Юма, который считал, что всякое знание «превращается в чистую вероятность». Задача ученого, по Юму, состоит в том, чтобы каждому своему утверждению (сообщению и т. д.) обеспечить ту степень психологической убежденности в его истинности, какой оно «заслуживает». «Когда кто-либо говорит, что видел, как умерший человек ожил, я тотчас же сам с собою обсуждаю, что вероятнее: то ли что это лицо обманывает меня, или само обманывается, или же что факт, о котором оно рассказывает, действительно случился. Я взвешиваю оба чуда и высказываю свое решение в зависимости от того, которое из них одержит верх, причем отвергаю всегда большее чудо»*. Феноменализм философских взглядов Д. Юма

* Юм Д. Исследование о человеческом уме. Пг., 1916. С. 134.

и Б. Рассела выветривает из понятия «психологической убежденности» следы объективности его содержания: убежденность зависит от нашей «привычки» к тому, а не иному порядку наших впечатлений и переживаний.

Что же происходит с принципом верификации, если к нему применить понятие вероятности Рассела? Вопрос этот тем более правомерен, что сам Рассел стремился применить учение о «степени правдоподобия» к предложениям, «которые настолько близко, насколько это возможно, приближаются к простому выражению опытных данных»*, т. е. к протокольным предложениям верификации. Называя степень правдоподобия какого-либо эмпирического предложения «данным», Рассел поставил типичный для его образа мышления вопрос, можно ли считать предложение и степень его правдоподобия не двумя различными, но одним и тем же «данным», и склонился к положительному на него ответу.

Рассел рассматривал чувственную верификацию и взаимоверификацию предложений в духе своей психологической концепции вероятности, т. е. как взаимодействие различных «верований», ослабляющих или усиливающих друг друга, подобно «опоре моста». Всякий акт верификации он считает только правдоподобным, подвергающимся искажению из-за ограниченной способности органов чувств к дифференцировке ощущений, из-за ошибок памяти, несовершенства мышления и т. п. В точность фиксации факта в протоколе, так же как и в точность всех последующих действий с протокольными предложениями, мы можем, согласно Расселу, не более как только «верить». Рассуждения Рассела о «верованиях» складываются в концепцию скептического отношения к содержанию научного знания.

* Рассел Б. Человеческое познание. М., 1957. С. 417.